

УДК 81'42

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Е. Ю. Викторова

Саратовский государственный университет
E-mail: helena_v@inbox.ru

В статье исследуется место дискурсивных слов в системе языковых единиц, предлагается семантическая и функциональная классификация дискурсивов.

Ключевые слова: дискурсивные слова, коммуникативы, синкретизм, регулятивная информация, дискурсивная информация.

Discursive Words: Uniformity in Diversity

E. Yu. Viktorova

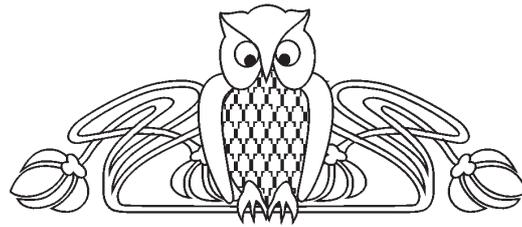
The article researches the place of discursive words in the system of language units; a semantic and functional classification of discursive words is developed.

Key words: discursive words, communicative units, syncretism, regulatory information, discursive information.

Термин «дискурсив» вошел в лингвистику сравнительно недавно, существуют разные представления о границах его применения, но чаще всего под ним понимается коммуникативная единица, придающая «особый дискурсивный статус» некоторому фрагменту дискурса и обладающая определенной «дискурсивной семантикой» – выражающая коммуникативно-прагматическую информацию. Дискурсивы устанавливают отношение между двумя (или более) составляющими дискурса¹.

Дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Часто они бывают «непереводимыми», так как в другом языке фактически не бывает их точных эквивалентов. Общеизвестным является то, что у многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, и другие, недискурсивные, употребления. При этом между дискурсивными и другими употреблениями слова часто не существует семантической связи (ср., например, наречие *well* и дискурсив-хезитатив *well*). Возможно даже противоречие дискурсивного значения пропозициональному.

Дискурсивы очень разнообразны и по структуре, и по значению. Причем и их состав тоже дискуссионен. Традиционное деление структурных слов на лексико-грамматические классы – наречия, частицы, союзы, междометия – не позволяет отнести дискурсивы к какой-либо из этих категорий. Кроме того, в словарях наблюдается разноречивость в грамматической квалификации дискурсивов, когда одно и то же слово может определяться как наречие, частица или вводное слово.

Поэтому введение термина «дискурсив», который акцентирует «функционально-семантический аспект обозначаемого типа языковых единиц», позволяет обойти проблему их принадлежности к какой-либо традиционной части речи².

К дискурсивам в широком понимании этого термина исследователи относят не только отдельные слова различных частей речи (наречия (*соответственно, практически*), частицы (*только, именно, как бы, лишь*), союзы и союзные слова (*потому что, хотя, поэтому, однако*), вводно-модальные слова (*безусловно, возможно, разумеется, наверное, конечно*)), но и словосочетания и выражения (*выше приводился, в том числе, таким образом, можно сказать*) и целые предложения (*разрешите напомнить следующие положения, речь идет о ситуации, обратимся к следующему вопросу*). Объединяет все эти единицы общая для них регулятивная и организующая роль в дискурсе³.

Несмотря на свое разнообразие, дискурсивы имеют ряд объединяющих их морфологических и синтаксических признаков. В русском языке это их неизменяемость, неспособность быть ядром синтаксической группы, синтаксическая функция союза или адьюнкта, возможность иметь синтаксические связи и с именной, и с глагольной группой и т. д. Тем не менее морфосинтаксическая специфика дискурсивов изучена еще слабо, что объясняется объективными сложностями определения синтаксического статуса дискурсива, а именно установления элемента предложения, с которым дискурсив связан синтаксически, и определения характера этой связи⁴.

В данной работе мы предлагаем свою классификацию дискурсивов, основанную на семантическом и прагматическом критериях. Проблема классификации дискурсивов является весьма непростой, прежде всего из-за разнообразия самих единиц и подходов к их изучению. Надо признать, что любые классификации в языке условны, поскольку язык, как пишет Ю. М. Скребнев, «будучи набором дискретных единиц, отражает объективную реальность не непосредственно, не “зеркально”, а определенным образом условно ее расчленяя». Вообще следует признать, что «лингвистические постулаты носят в большинстве случаев вероятностный, гипотетический характер», и любые «лингвистические абсолюты» неадекватны, поскольку язык является естественной посто-

янно изменяющейся семиотической системой⁵. В связи с этим необходимо помнить, что сущность всякой классификации – в обобщении и условности, поэтому, предлагая нашу классификацию дискурсивных слов, мы осознаем ее условность, однако считаем удобной для использования при решении задач, поставленных в рамках настоящего исследования.

С точки зрения выполняемых ими функций дискурсивы разнообразны. Эти функции группируются вокруг так называемого **коммуникативно-организующего**, или вспомогательного, уровня общения, который выделяется наряду с **коммуникативно-информативным**, основным, уровнем⁶. С. В. Андреева называет эти уровни ареалами коммуникации и разграничивает **коммуникативно-номинативный** ареал и **речеорганизующий**⁷. Подобное разделение коммуникации на уровни или ареалы находим и у зарубежных авторов. Например, Г. Кларк в своей теории различает два уровня, две системы коммуникации: **первичную систему** (*primary system*), которая является основной, главной задачей коммуникации, и **вторичную (побочную) систему** (*collateral system*), которую исследователь определяет как такую часть использования языка, с помощью которой коммуниканты взаимодействуют, создают, выстраивают основную коммуникацию и управляют ею, и эта система в норме не является основной задачей коммуникации⁸. На уровне текста выделяют **текстовый и метатекстовый уровни**⁹.

Нам представляется, что функции дискурсивных слов, выполняемые в рамках такой двухуровневой системы коммуникации, могут быть определены на основе трех макрофункций языка, выделяемых М. Халлидеем. Исследователь выделяет **идеационную** (приблизительные синонимы: когнитивная, содержательная, референциальная, информативная), **межличностную** (синонимы: интеракциональная, эмотивная, экспрессивная) и **текстовую** (синоним – синтаксическая) функции¹⁰. Дискурсивные слова ориентированы на вторую и третью функции, а идеационная функция, как нам кажется, может присутствовать в дискурсивах лишь в сочетании с межличностной.

Три макрофункции М. Халлидея соотносятся, на наш взгляд, с тремя (из четырех) типами информации, выделяемыми С. В. Андреевой: **фактуальной, коммуникативной и дискурсивной** (четвертый тип – **эмоционально-чувственная** информация – дискурсивами, как правило, не выражается, поэтому исключается из нашего рассмотрения). Идеационная функция соотносится с фактуальной информацией, межличностная – с коммуникативной, а текстовая – с дискурсивной. Дискурсивы участвуют в передаче дискурсивной и коммуникативной информации. Коммуникативная информация, по мнению С. В. Андреевой, «отражает взаимодействие между автором речи и ее адресантом; это информативность в контакто-

регулирующем, оценочно-интерпретационном плане, в плане межличностных отношений». (Мы предлагаем называть такой тип информации «регулятивной», поскольку, на наш взгляд, термин «коммуникативная информация» слишком расплывчат и неоднозначен). Дискурсивная информация, по мнению С. В. Андреевой, «направлена на организацию дискурса и ориентацию адресата в нем для оптимального восприятия как фактуальной, так и коммуникативной информации: это информативность в плане структурирования дискурса, обозначения роли фрагмента в тексте, отношения к нему автора и т. д.»¹¹.

Итак, дискурсивы противопоставлены остальным коммуникативным единицам, самостоятельным или основным по своему характеру, которые передают фактуальную информацию, информацию первого плана. Дискурсивы передают так называемую дискурсивно-регулятивную информацию, информацию второго плана, вспомогательную по отношению к основной, фактуальной информации. На основе двух характерных для дискурсивов типов информации – регулятивной и дискурсивной – можно выделить два основных типа дискурсивов, которые мы условно назвали дискурсивами-регулятивами и дискурсивами-организаторами. Дискурсивы-регулятивы выполняют межличностную (по М. Халлидею) языковую функцию и выражают регулятивную информацию. Дискурсивы-организаторы выполняют текстовую функцию и выражают дискурсивную информацию.

Вслед за С. В. Андреевой мы полагаем, что дискурсивы, будучи одним из средств организации дискурса, выступают в роли **вспомогательных коммуникативных единиц** (далее – ВКЕ). Они помогают адресату интерпретировать высказывание адресанта, экономя мыслительные усилия адресата в плане интерпретации смысла высказывания, управляя его вниманием. В целом, они улучшают качество восприятия дискурса и увеличивают скорость и точность его восприятия.

Дискурсивы не образуют единого функционального класса единиц, поскольку не имеют четких границ и собственных дифференциальных структурно-семантических и функциональных признаков. Эти единицы «не имеют самостоятельного значения в дискурсе, а только организуют его»¹². Помимо дискурсивов в классификации С. В. Андреевой к ВКЕ относятся и так называемые дискурсивные повторы, однако они не будут учитываться в нашем исследовании.

Что касается коммуникативов, то их С. В. Андреева считает основными единицами коммуникации на том основании, что они характеризуются совокупностью четких структурно-семантических признаков (например, таких как номинативный/неноминативный характер используемой лексики, предикативность/непредикативность, синтаксическая членимость, выражение диктумных или модусных смыслов, функциональная направлен-

ность). Как нам кажется, при изучении коммуникативов следует учитывать их разнообразие, так как они не менее гетерогенны, чем дискурсивы. В нашем исследовании установлено, что с точки зрения выполняемых функций коммуникативы бывают информативными и фатическими¹³. Представляется, что коммуникативы-информативы (*да/нет* и их модализованные варианты (*конечно, ни в коем случае*)), используемые в качестве ответа на вопрос) выражают скорее диктумные смыслы, а не модусные (присущие коммуникативам-фативам), и значит, обладают информативной направленностью. Следовательно, их принадлежность к основным единицам коммуникации, по-видимому, бесспорна.

Что касается коммуникативов-фативов, то они тоже бывают разными и, соответственно, не все из них, как нам кажется, могут быть признаками основными коммуникативными единицами. Например, коммуникативы-хезитативы, актуализаторы, обращения, процессивы-комменсивы (термин И. И. Прибыток; это фативы, являющиеся одновременно реакцией на реплику предыдущего говорящего и зачином к собственной реплике¹⁴), на наш взгляд, тяготеют к ВКЕ. По своей роли в коммуникации и по типу передаваемой ими информации эти коммуникативы мало чем отличаются от дискурсивов, относимых С. В. Андреевой к ВКЕ. Неслучайно в англоязычной традиции первыми дискурсивными маркерами, которые стали исследоваться¹⁵, были именно такие единицы, которые мы именуем коммуникативами – *oh, now, well, you know*, и используются они, как правило, в типичной для коммуникативов фатической функции – функции хезитативов или процессивов-комменсивов. До сих пор англисты не выделяют каких-то особых языковых единиц аналогичных коммуникативам, выделяемых русистами. В работах англоязычных исследователей все единицы, выполняющие связующие и регулятивные функции в дискурсе, квалифицируются как дискурсивные маркеры. Подобную точку зрения разделяют и некоторые отечественные лингвисты¹⁶, считающие коммуникативы типа *Ну и ну, Вот еще* дискурсивными словами. Интересно, что по некоторым функциям, описанным в исследовании С. В. Андреевой, дискурсивы и коммуникативы пересекаются; например, отмечается роль обеих единиц в оценочно-интерпретационном плане (оценка и самооценка речи или ситуации) и в плане выражения отношения автора к предмету речи¹⁷. Отсюда следует, что четких функциональных критериев разграничения дискурсивов и коммуникативов (по крайней мере коммуникативов-фативов), видимо, не существует. Хотя надо отметить, что коммуникативы, безусловно, имеют более узкую сферу применения по сравнению с дискурсивами – они свойственны в основном устной диалогической речи, именно здесь они довольно частотны и разнообразны¹⁸.

Что касается структурно-семантических признаков, присущих коммуникативам и дискур-

сивам, то они также не всегда являются надежным критерием разграничения этих двух единиц. Мы упоминали выше критерии диктумных/модусных смыслов и функциональной направленности. Критерии предикативности и синтаксической (не) членности, вероятно, тоже не столь однозначны, поскольку и коммуникативы, и дискурсивы могут выражаться предикативными единицами (хотя в большинстве случаев это «мертвая» предикативность) и не являются членами предложения. И те, и другие единицы в основном представлены словами и конструкциями, воспроизводимыми в процессе коммуникации. Но обе единицы могут иметь в своем составе осложняющие элементы – междометия, обращения, модальные слова (*О, да, конечно!* или *Ну хорошо, Лена, давай поговорим об этом после*). Поскольку названные осложняющие элементы сами являются коммуникативами, то остается нерешенным вопрос, считать ли их осложняющими или рассматривать данный коммуникатив как цепочку из нескольких коммуникативов.

Исходя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу: поскольку для нас основным критерием выделения как коммуникативов, так и дискурсивов является их функциональное предназначение в коммуникации, мы полагаем, что функции большинства коммуникативов-фативов следует признавать вспомогательными по отношению к единицам основным, выражающим фактуальную информацию. Коммуникативы-информативы мы будем считать основными коммуникативными единицами.

Вспомогательная функция в дискурсе выполняется разными вербальными и невербальными средствами: это могут быть жесты, графические средства, знаки пунктуации (кавычки, скобки, тире и др.), разные виды шрифта (полужирный шрифт, курсив), красная строка, некоторые разделы речевых произведений (аннотации, ключевые слова, вступления, ссылки). Предметом нашего исследования являются только **лексические способы** выражения вспомогательности – особые лексические единицы: слова и устойчивые речевые обороты (редко предложения), функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия.

Итак, в нашем исследовании понятие «дискурсивы» в широком понимании (включая вводно-модальные слова и конструкции, частицы, союзы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия) мы будем условно приравнивать понятию «вспомогательные коммуникативные единицы». «Дискурсивы» в узком понимании, на наш взгляд, включают единицы с дискурсивно-регулятивным значением – вводно-модальные слова и конструкции, а также частицы. Именно таким дискурсивам будет в основном посвящено наше дальнейшее исследование, так как они, полагаем, составляют ядро ВКЕ.

Нам представляется, что дискурсивы неоднородны и по типу и объему реализуемой ими информации. Часть дискурсивов являются дискурсивными операторами в чистом виде, то есть они функционируют исключительно в качестве вспомогательных средств (*во-первых, так, следовательно, например*). Мы будем условно называть такие единицы **собственно дискурсивами**. Другие одновременно сочетают вспомогательную функцию с информативной, то есть являются синкретичными. Они функционируют одновременно и как дискурсивные маркеры, и как носители фактуальной, пропозитивной информации. Полагаем, что такая разновидность синкретизма может быть названа функционально-прагматическим синкретизмом. Приведем пример из текста научномедицинской статьи: *Уровень ТАТ в плазме крови ex vivo стабилен, а выработка фибриногенов при малейших отклонениях в процедурах взятия, обработки и хранения образцов крови может изменяться*.

Лексема *может* в данном контексте, на наш взгляд, одновременно передает основную информацию (сообщает о возможности определенного химико-биологического процесса), и вспомогательную (смягчает поданную информацию, снижает категоричность высказывания или даже говорит о нестабильности данных изменений, то есть служит сигналом не полной уверенности автора в своих словах, не обязательной достоверности процесса). Условно назовем такие дискурсивы **синкретичными**. Следует отметить, что, в отличие от полисемии, синкретизм, в том числе и функционально-прагматический, контекстом не разрешается, двойное значение остается.

Интересны в этом плане и так называемые авторизирующие конструкции – дискурсивы, содержащие самоупоминание автора. Они используются либо для экспликации своего личного авторского мнения (*на наш взгляд, по-моему, как мне кажется*), либо описывают какие-либо действия автора. Это могут быть ментальные действия, связанные с рассуждениями автора, с производимыми им логическими операциями (*считаем возможным, мы полагаем правильным, мы не сомневаемся*). В научном дискурсе довольно частотны авторизирующие конструкции, описывающие действия авторов, совершаемых во время проведения ими исследований. Особенно много таких конструкций в английских научных статьях (*we measured, we studied, we reported, we developed*), но в русских они тоже встречаются (*мы пользуемся, применяли, проводили, определяли*)¹⁹.

Вводные обороты типа *по-моему* и *на наш взгляд* мы относим к собственно дискурсивам, а дискурсивы, содержащие глагол в настоящем (за исключением глаголов мнения) или прошедшем времени, являются, на наш взгляд, синкретичными, так как одновременно сочетают в себе фактуальную и регулятивную информацию. Эти дискурсивы, с одной стороны, сообщают о со-

вершенных в процессе исследования действиях ученых, а с другой стороны, усиливают личностную направленность научного изложения, подчеркивают не только личный вклад авторов статьи в проведенное исследование, но и их ответственность за предоставляемую информацию.

Внутри самих вспомогательных единиц находим такие дискурсивы, которые сочетают функции прагматических и грамматических операторов (термины В. Гладрова²⁰). Например, союзы могут быть исключительно грамматическим средством связи, а могут проявлять наряду с грамматическим и прагматическое значение²¹. Так, сочинительные союзы *а, но* могут употребляться при противопоставлении элементов предложения, то есть использоваться как дополнительные к лексическим средствам логические сигналы, которые недвусмысленно четко указывают на характер отношений между элементами предложения, помогая тем самым прояснить суть высказывания. Например: *Считается, что определенные функциональные типы предложений соответствуют не суждениям, а иным логическим формам мышления*. Союзы, употребляющиеся таким образом, лежат на пересечении классов грамматических и дискурсивно-прагматических вспомогательных единиц.

Собственно дискурсивы могут совмещать в себе функции и своих собственных подтипов, когда в одном слове регулятивная информация сочетается с дискурсивной. Многие исследователи считают такой синкретизм естественным и отмечают присутствие модальных оттенков значения в средствах, которые традиционно относятся к связующим элементам. Таким образом, деление дискурсивов на регулятивы и организаторы, предлагаемое в данной работе, является во многом условным. Критерием для такого деления будет являться преобладание регулятивной или дискурсивной информации в данном дискурсиве. Так, например, дискурсив *кстати* будем считать организатором, так как он используется в первую очередь для введения фрагмента речи и демонстрации ассоциативной связи фрагмента с текстом, а присущее ему акцентно-выделительное значение будем считать второстепенным.

Итак, осуществленная в рамках данного исследования попытка классификации дискурсивов показывает неизбежность и продуктивность выделения наряду с основными типами особых, переходных типов дискурсивов. Нами выделены дискурсивы, совмещающие значения прагматическое и пропозициональное, и дискурсивы с сочетанием прагматического и грамматического значений. Мы согласны с С. В. Андреевой, что «всё в языке не имеет “китайских стен”, характеризуется взаимопереходами, синкретичностью»²², и с Ю. С. Степановым, который уподобляет синтаксис «обширному континууму», в котором сосуществуют узловые элементы и линии отношений, их связывающие; одновременно имеются «почти

непрерывные ряды синтаксических единиц, различающиеся вариациями <...> и заполняющие промежутки» между этими узлами»²³.

Следует сказать, что многие служебные слова отличаются не только контекстно неразрешаемой синкретичностью, но и полифункциональностью²⁴ и полисемией²⁵, которые находят свое разрешение в контексте. Иногда одно и то же дискурсивное слово может употребляться в противоположных значениях (*конечно* может быть использовано и как сигнал уверенности, и как показатель неуверенности, смягчения, уступки). Многие служебные слова образуют так называемые омокомплексы (например, *как* функционирует как союз, частица, союз-частица или частица-союз, междометие).

Проведенное нами исследование позволяет предположить, что ВКЕ, ядро которых представлено дискурсивными (в узком понимании), представляют собой систему единиц, имеющую полевую структуру. Ядро ВКЕ образуют дискурсивы с прагматическим значением, представленные собственно дискурсивами (вводно-модальными словами и частицами). Дискурсивы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение, то есть синкретичные дискурсивы (модальные глаголы и предикативы; предикативные (авторизирующие) конструкции), формируют переходную зону. Синкретичные и собственно дискурсивы мы относим к прагматическим операторам. Грамматические операторы представлены служебными единицами. При этом предлоги и грамматические частицы и союзы обладают чисто грамматическим (структурным) значением и образуют центральную зону грамматических операторов. А союзы, сочетающие грамматическое значение с прагматическим, формируют переходную зону.

Следует сказать, что описанные выше различные типы ВКЕ наделяются нами статусом «вспомогательный» только при условии их уместного разнообразного употребления. Злоупотребление дискурсивами, особенно неумеренно частое использование одного и того же дискурсивного слова, превращает вспомогательные единицы в слова-паразиты и характеризует такого говорящего как носителя низкого уровня речевой культуры. Речь, перенасыщенная дискурсивами (хотя бы и разными), производит впечатление напыщенной и бессодержательной. Поэтому правильному, уместному, стилистически верному и разнообразному употреблению этих языковых единиц необходимо обучать как при преподавании родного, так и иностранного языка. К тому же нельзя забывать, что употребление дискурсивных слов имеет лингвокультурные особенности. Некоторые дискурсивы, хотя и являются переводными аналогами, в разных языках употребляются в различных ситуациях, имея иногда противоположное значение (ср.: рус. *конечно* вполне нейтрально, а англ. *of course* – сигнал раздражения и недовольства).

Итак, дискурсивы – это ВКЕ, отличающиеся большим структурным, семантическим, функциональным разнообразием. Они могут передавать вспомогательную (регулятивную и дискурсивную) информацию в чистом виде, а могут сочетать ее с фактуальной информацией, представляя собой в таком случае синкретичные единицы. Синкретичность свойственна также и ВКЕ внутри собственно дискурсивных слов. Множество ВКЕ, на наш взгляд, существует в виде поля с центром и периферией, выделяемых на основе семантики и прагматики исследуемых коммуникативных единиц. Однако, полагаем, несмотря на свое разнообразие ВКЕ составляют единый класс слов и выражений, служащих для передачи регулятивной и дискурсивной информации, принадлежащих речеорганизующему уровню коммуникации и выполняющих функции организации дискурса и демонстрации автором своего отношения к речи и ее содержанию.

Примечания

- 1 См.: Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003.
- 2 См.: Кобозева И., Захаров Л. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Kobozeva.pdf> (дата обращения: 10.10.2012).
- 3 См.: Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998 ; Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003 ; Сиротинина О. О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // *Oameni si idei : Studii de filologie*. Cluj – Napoca : Editura Risoprint, 2005. С. 342–348 ; *Она же*. Дискурсивные слова как проблема пунктуации // *Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008*. С. 341–344 ; *Она же*. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка // *Исследования по семантике : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 24. Уфа, 2008*. С. 476–480 ; *Андреева С.* Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 2005 ; *Кобозева И., Захаров Е. Л.* Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания : проблема метаязыка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, МГУ, 21–23 марта 2007 г. : Труды и материалы. М., 2007. С. 466 ; *Малов Е., Горбова Е.* Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». СПб., 2007. С. 31–36 ; *Уздинская Е.* Неудачное использование дискурсивных слов в газетных текстах // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Саратов, 2012*. С. 41–58 и др.
- 4 См.: Кобозева И., Захаров Л. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка.

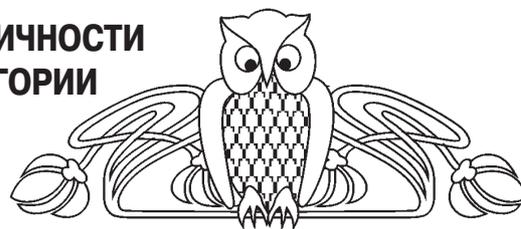
- ⁵ Скрёбнев Ю. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 51–53.
- ⁶ См.: Менг К. Проблема анализа диалогического общения // Текст как психолингвистическая реальность : сб. ст. М., 1982. С. 14–18 ; Пономарева Т. Сочетаемость информативных высказываний разных прагматических типов с этикетными контактными стимулами // Языковые единицы : сб. ст. Л., 1991. С. 131–138.
- ⁷ См.: Андреева С. Указ. соч.
- ⁸ См.: Clark H. Pragmatics of Language Performance // Handbook of pragmatics / ed. L. R. Horn, G. Ward. Oxford : Blackwell, 2004. P. 365–382.
- ⁹ См.: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402–421 ; Харламова Т. Textoобразующие средства в устной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000 ; Кормилицына М. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов, 2008. С. 13–34 и др.
- ¹⁰ См.: Halliday M. Explorations in the Functions of Language. L., 1973.
- ¹¹ Андреева С. Указ. соч. С. 68, 84.
- ¹² Там же. С. 95–96.
- ¹³ См.: Викторова Е. Коммуникативы в разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
- ¹⁴ См.: Прибыток И. Английские сентенсоиды. Саратов, 1992.
- ¹⁵ См., например: Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- ¹⁶ См.: Кобозева И., Захаров Л. Проект звучащего словаря дискурсивных слов русского языка. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/2003/z-4.doc> (дата обращения: 10.10.2012).
- ¹⁷ См.: Андреева С. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁸ См.: Викторова Е. Коммуникативы в разговорной речи.
- ¹⁹ См.: Викторова Е. Специфика употребления дискурсивных слов в научно-медицинской статье (на материале русского и английского языков) // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов, 2012. С. 297–315.
- ²⁰ См.: Гладров В. Что такое структурные слова? О вопросе частей речи как проблеме взаимообусловленности уровней языка. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=10&type> (дата обращения: 05.11.2012).
- ²¹ См.: Уэдинская Е. Указ. соч.
- ²² Андреева С. Указ. соч. С. 108.
- ²³ Степанов Ю. Индоевропейское предложение. М., 1989. С. 18.
- ²⁴ См.: Григорьева Н. Полифункциональные служебные слова : к проблеме статуса // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. С. 61–66.
- ²⁵ См.: Кобозева И. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *vom*). URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/38.htm> (дата обращения: 10.10.2012).

УДК 81'27

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ И БЛИЗКИЕ ЕЙ КОММУНИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

О. А. Акульшина

Саратовский государственный университет
E-mail: polise1988@rambler.ru

В статье прослеживается взаимосвязь категории категоричности и близких ей коммуникативных категорий, таких как объективность, истинность и эмоциональность.

Ключевые слова: категоричность, коммуникативное взаимодействие, коммуникативная неудача, категория объективности, категория истинности, категория эмоциональности.

Communicative Notion of Categoricalness and Similar Communicative Categories

О. А. Akulshina

The article traces the interrelation of the categoricalness notion and similar communicative categories, such as objectivity, truthfulness, and emotional capacity.

Key words: categorical, communicative interaction, communicative failure, category of objectivity, category of truthfulness, category of emotional capacity.

Человеческие отношения с лингвистической точки зрения представляют собой сложную сеть межличностных коммуникаций. Ежедневно мы вступаем в коммуникативное взаимодействие с десятками других людей (дома, на работе, в общественном транспорте, в магазине и т. д.), каждый из которых обладает собственным, уникальным набором личностных и коммуникативных характеристик. Важно, чтобы это коммуникативное взаимодействие происходило эффективно и беспрепятственно. Для этого выработаны этические и коммуникативные нормы, осуществляющие функцию регулирования и упорядочения коммуникации. С их помощью говорящий может рассчитывать на то, что он будет услышан и правильно понят в каждой отдельной коммуникативной ситуации. Соблюдение коммуникативных норм